

НЕБОЛЬШОЙ рост, яркий темперамент, несомненное сценическое обаяние. Субретка-инженер? Да, именно такой казалась Лина Ермакова, когда в 1962 году пришла в труппу Ленинградского театра музыкальной комедии. Однако сильное, чистое сопрано позволило вскоре ввести ее на роль героини — Виолетты в «Фальше Монмартра». Ермакова отлично справилась с вокальными трудностями этой партии; были в ее Виолетте не только чи-

чем щеголять голосом и внешне в ролях привычных.

Теперь стало ясно: ампула для Ермаковой не существует. Образы, создаваемые молодой актрисой, не знают ни социальных, ни жанровых, ни возрастных рамок, порой они просто полярны. Веселая, легкомысленная парижанка Мариэтта из «Баядеры»; сложная, психологически развивающаяся, с элементами драматизма, роль Ани в оперетте «Восемнадцать лет»; комедийно-лирический, жиз-

злегантный черный костюм. И очень несчастна. Здесь Лина Ермакова, хотела она того или нет, сыграла на хищницу, а жертву — жертву собственного тщеславия. Из ее глаз не уходит тоска; даже на балу в своем роскошном княжеском доме, принимая самого нацилера, она не может согнать страдальческого выражения. Только в кабаре, с преданными Мишкой и Ферно, зажигается в Цецилии тот огонек, который когда-то, наверно, освещал ее всю. Но ему нельзя дать волю, потому-то такими заговорщицами выглядят ее партнерши, потому с таким таинственным видом сдвинулись их лица над столиком с мерцающей свечой, чтобы через минуту, забыв все, целиком отдаться зову родной цыганской скрипки. И Цецилия начнет напевать свою любимую песенку, сначала тихонько, потом все смелее и смелее, и наконец лихо отхватит со старыми друзьями танец своей молодости. Это единственная по-настоящему светлая минута. Потом она снова — сиятельная княгиня, надменная, неприступная, тоскующая и не находящая в себе решимости выскочить из «поезда», который не должен задерживаться на полустанках прошлого, жертва своего общества и своей эпохи. Так, одновременно и жалая и обличая, добирается актриса до социальной сущности персонажа кальмановской оперетты.

А в последней работе — опять новые краски: суровые и резкие. Ими рисует актриса образ Ольги Сергеевны в новом спектакле «Внимание, съемка!». Женщина зрелых лет, подтянутая и строгая, с внушительной седой прядью. Сейчас она скромный директор гостиницы, в прошлом — героиня Отечественной войны. Пряча в себе боль военных лет, боясь воспоминаний, она словно освещена изнутри своей внутренней силой. И самые обыденные ее проявления становятся значительными и весомыми.

А вот петь Лине в последнее время было, к сожалению, почти нечего, если не считать интересной партии Дани во «Франсуазе» Хромушина...

Так что же, в конце концов, актриса Ермакова? Героиня? Субретка? Инженер? Ни то, ни другое, ни третье. Она представитель новой формации актеров оперетты. Тех, что на глазах перерастают схемы ампулы, разрывая их, как старую, тесную одежду.

А. ВЛАДИМИРСКАЯ

КОГДА ИСЧЕЗАЕТ АМПУЛА

стота и лиризм, но и какая-то особая, теплая свежесть, отличающая ее от других Виолетт.

Потом было еще много ролей и вводов, «героини» и «наскладные»: Зиночка в «Севастопольском вальсе», Тоня в «Белой акации», очень удачная Яринка из «Свадьбы в Малиновке», пленяющая юностью, задором, наивно-счастливым ощущением первой любви.

И вдруг актриса показывает работу совершенно неожиданную: Титовна в «Ста чертах и одной девушке». Все острохарактерные краски, которые сквозили в каждой ее роли, словно сконцентрировались в образе этой отвратительной старушонки-изуверки. Нужно было немалое актерское мужество, чтобы не пощадить себя, предельно изуродовав гримом лицо, обезобразив фигуру. Эффект получился очень сильным. Темное старушечье лицо с набрякшими «мешками» под глазами, по временам распылающееся в пугающую слащавую улыбку, характерная пластика, интонации одновременно искательные и злобные, — такова Титовна Ермакова, существо злое и подлое, страшное порождение религиозной секты. Показать это зло, освоить новую для себя тропку в искусстве, новые сценические приемы, оказалось интереснее,

именно точный образ Магнолии Пыжиной в спектакле «Требуется героиня». Как смешна эта шепелява девица с претенциозным именем, со старомодной носой, в новбылке мужского фасона, влюбленная в кино, но буквально преследуемая неудачами и стойчески, безответно их сносящая... Есть в ней что-то от чеховского Елихова с его фразой: «А я не ропщу, привык и даже улыбаюсь». Но вот Магнолия остается одна; задумчиво перебирает она струны гитары, негромко, притушенно звучит ее грустная песенка о вечернем городе, где «интересных девчонок полно», и о собственном одиночестве. Песенка замирает на невысокой, никнувшей ноте...

Сыгранный Ермаковой характер часто становится крупнее и значительнее того, который написан драматургами. Конечно, многое дает ей работа с режиссером, в первую очередь — с главным режиссером театра Михаилом Григорьевичем Дотлибовым. Но не менее важна и своя собственная, продуманная и отчетливая позиция, ее отношение к роли. Титовну актриса ненавидела, Магнолию жалела. А вот с Цецилией в «Норлаве чардаша» получилось иначе.

Она изящна и полна достоинства, эта маленькая женщина в

7 июл 1968
"СМЕНА"